

«Я не статична, я просто не танцую, потому что это делают все остальные. Я с детства занималась танцами, я танцую в жизни, я вообще мечтала быть балериной и в этом направлении развивалась. У меня было две мечты параллельно: или певица, или балерина»

Валерия — Газете

«когда я начала петь, вдруг все вокруг затрещало»

Валерия — Газете

Год назад после восемнадцати месяцев отсутствия на сцену вернулась певица Валерия. А этим летом по результатам самой авторитетной в российской поп-музыке премии «Муз-ТВ 2003» она была признана певицей года. С Валерией встретился и побеседовал музыкальный обозреватель Газеты Максим Кононенко.

что-то делать с этим, надо менять имя. На самом деле мама назвала меня Валерией, и я первые дни жизни была Валерией. Потом, когда стали оформлять свидетельство о рождении, она подумала, что у нас уже есть среди родных и близких люди с таким именем и что если еще и меня так назвать, то их будет слишком много. А когда пришла необходимость придумать мне какое-то имя, то, естественно, это было имя Валерия. Я как бы жила с этим именем, знала, что меня так раньше звали, пусть несколько дней, но звали. Иногда, знаете, как дети, недовольные своим именем, я говорю: ну мам, почему ты не звала меня Валерией, это же так здорово? И поэтому, конечно, я сама предложила: если уж менять имя, то давай я буду Валерией.

Сейчас вы Валерия по паспорту? Да, с девяносто третьего года.

Родители вас тоже называют Валерией?

Нет, родители не могут меня так называть. Им долгое время запрещали меня называть Аллой, но все-таки я их дочь, и они привыкли так меня звать. По-моему, какое-то время они пытались перестраиваться и вообще меня никак не называли — дочка, доченька. Кажется, до сих пор у них это осталось.

Это должно как-то дезориентировать, когда тебя называют разными именами?

Абсолютно нет. Сейчас и у нас совсем привычка к имени Валерия, потому что большая часть моей сознательной жизни прошла под этим именем. Для своих детей я Валерия, для своих друзей я Валерия. Конечно, есть друзья детства, но с ними мы не так тесно контактируем. Мы разбросаны по разным городам, и каждый занимается своим делом, но когда я приезжаю в Атырау, там я — Алла. Пока я там жила полтора года, научилась адаптироваться. Сначала вздрагивала, просто с непривычки, а сейчас уже нормально. И то имя, и это имя.

Вас назвали лучшей певицей страны. Вы верили в эту победу?

Знаете, если все-таки рассчитывать на какую-то объективность, то верила. Не потому, что я превосхожу то, что я делаю, абсолютно нет, я нормальный человек, адекватный. Но мне кажется, что в этом году мы хорошо поработали, и это должно было быть замечено. Мне очень нравится все, что делает в музыке Леня Агутин, он потрясающий, но считаю, что в этом году Валера Меладзе был заметнее. Вполне логично, что дали ему.

У вас сейчас карьерная вершина.

Вы не боитесь, что лучше уже ничего не будет? Я вообще ничего не боюсь. На самом деле я никогда всему этому не придавала большого значения. Именно поэтому и не боюсь. Я просто привыкла от души делать свое дело, а там оно — как получится. Не боялась уходить в связи с рождением детей, не боялась перерывов каких-то, пауз. Но мне всегда говорили: а вы не боитесь вернуться? Вы не боитесь, как вас примут? Это моя работа, и это для меня главное. Сейчас новое поколение — они хотят быть звездами сразу, не хотят сначала овладеть профессией.

Звездой быть приятно...

Конечно, но все хотят быть звездами сразу. Вот у меня вчера сын смотрит «Фабрику звезд» — ему пять лет, и еще позавчера он хотел быть композитором — и говорит: я все-таки буду петь. Я удивляюсь: ты все-таки решил петь, да? Он отвечает: да, вот как они поют. Начинаю ему говорить, что этому надо учиться, а за фортепиано мы не садимся. Конечно, хочется компьютер и все такое, но надо и учиться — сольфеджио, фортепиано... А он говорит мне: ну они же не учатся! И я понимаю, что раньше так не было. Ну как же не учатся, говорю, видишь, сколько педагогов, это тяжелый труд. Пытаюсь ему внушить это.

Вас не было полтора года. Кто-то за это время пытался вернуть вас на сцену?

Пытались. У меня было много предложений, но я сейчас их не буду называть, потому что имена все очень известные.

Почему именно Пригожин уговорил вернуться? Вам просто надоело быть не у дел?

Да нет, не надоело. Просто как-то оно все сложилось. Я приехала в Москву для решения своих вопросов, буквально на несколько дней. И тут раздался звонок, звонит мой адвокат и говорит: не хочешь ли ты пообщаться с продюсером Пригожиным? Я тоже с ним сотрудничаю и не решил дать телефон без тебя. И я с ним встретилась. Вдруг выяснилось, что он совершенно четко и ясно выражает свои мысли. У меня же был опыт общения с другими людьми, поэтому для меня, конечно, это был абсолютный контраст. Я задавала конкретные вопросы, он совершенно конкретно отвечал и не давил, чтобы я быстро принимала решение. Он сказал: ты подумай. Я знала, что уже один раз так обожглась, что второй раз не смогу себе позволить этого. Мы встретились и на следующий день, я пришла с адвокатом. Мы пришли и сразу стали прорабатывать какие-то моменты, все было предельно ясно и четко, как любят говорить на фирме у Пригожина. Прозрачно. Абсолютно все прозрачно. У меня даже вопросов особых не было. И мы стали работать. Он сказал, что надо работать сразу, надо вот сейчас начинать, не надо время терять. А контракт еще не подписан. Юристы еще пытались между собой какие-то буквы уточнить, а мы уже начали работать на доверии. Пригожин говорит, что если доверяешь друг другу, то контракт — это формальность. Если один человек не хочет работать с другим, он все-таки найдет возможность сорвать этот контракт, потому что у нас несовершенная правовая система. Поэтому вот так, на доверии, мы и стали работать.

А кто придумал имя Валерия? И чем не устраивало имя Алла — из-за ассоциаций с Пугачевой?

Нет, дело не в этом. Когда мы работали над альбомом, который должен был выйти в Европе («The Taiga Symphony»), 1992 год. — Газета, мы постоянно пересылали друг другу кассеты, демо-записи, какие-то промежуточные сведения. Они слышали имя Алла и записывали его, как слышали, — Allah. Мы поняли, что надо

Роль Дробыша в общем успехе велика?

Конечно. С Дробышем очень легко. Мне особенно нравится этот танец на контрасте с другим автором из прошлого. Ведь как в прошлой моей жизни обстояла творческая сторона дела: тот человек абсолютно не владел музыкальной грамотой и по сути даже не имел музыкального слуха. Может, кто-то даже в это не поверит, но это так. Просто бралась гитара, и начинали напевать какие-то завывания. Мы записывали их на диктофон, и с диктофона я их расшифровывала. Вот как раньше уезжали фольклористы в деревню, записывали там, как пели бабушки, а потом это расшифровывали. Так ведь это пели бабушки! А здесь, когда надо было расшифровать эту абстракцию, — надо же было понять, какая к этой мелодии может быть гармония, какая вообще в принципе мелодия. Так отработалось несколько вариантов. Я записывала их на синтезаторе и давала на прослушивание: так или не так? Потом уже этот мой обработанный материал давался аранжировщику — и в этой работе мой вклад был очень существенный. Некоторые песни, которые я расшифровывала, я потом слышала позже. Например, на третьей «Фабрике» они были. Ну ладно, забудем. Лучше про Дробыша. Он просто профессиональный человек, очень профессиональный, и мы говорим с ним на профессиональном языке. С Пригожиным и Дробышем очень легко работать. Работавшая в удовольствие. Помню, как в первый раз я пришла из студии... Мы записывали песню «Была любовь», и на английском языке тоже, сразу два варианта, потом песню «Перелетела вода». И так оно пошло-поехало, что остановиться было невозможно. Мы записали и третью песню. Это было состояние эйфории, вот такой настоящей, творческой. На следующий день у нас опять должна была быть студия: дописывать то, что не сделали, подчищать. Ночью даже спала плохо. Сама мысль о том, что мне завтра идти в студию, — приводила в такое дикое возбуждение, что я не могла заснуть. Как перед первым свиданием в юности.

Раньше у вас был имидж такой холодной, эстетствующей женщины. Песни Дробыша гораздо в большей степени народные. Вы не боитесь столь резко поменять имидж?

Не все песни, которые я пела раньше, мне подходили. Не все меня трогали. Иногда я понимала, что категорически не могу петь, — но петь все-таки приходилось. Но я бы не сказала, что старые песни были эстетские...

Ну вот, к примеру, альбом романсов. Ведь там романсы пелись совсем не как романсы.

Да, его многие вспоминают. Он не был запланированным и появился лишь потому, что был записан англоязычный альбом, но мы понимали, что с ним на российский рынок выходить нельзя. Поэтому появился альбом романсов. И сейчас я думаю, вполне возможно, что мы будем делать такие вещи. Не номерной альбом, а какое-то ответвление. Я люблю музыку вообще, никогда не закливаюсь на каком-то одном жанре.

То есть вопросы имиджа вас не очень заботят?

Да у меня все равно есть имидж, все равно есть свой образ, свое лицо. Немного туда, немножко сюда, но все равно я остаюсь сама собой, все равно я не меняюсь. Я не превращаюсь в Нину Хagen или еще в кого-то.

Я столкнулся с такой ситуацией, что многие люди, имевшие взаимоотношения с Шульгиным, не хотят рассказывать об этом. Почему?

Они боятся. Он производит впечатление человека, которого надо бояться. У него такой имидж.

Но ведь, кажется, за ним нет никакого ресурса...

А все думают, что он есть. Я тоже так думала. Хотя, может, что-то и есть. Не знаю, в данный момент времени мне это совершенно все равно. А другим, конечно, зачем рассказывать? Зачем кому-то лезть на рохон?

Про «Фабрику» рассказывают всякие страсти, но никто не берет их подтверждать.

Я понимаю, а их понимаю. Молодые девочки, ребята, они думают, наверное, что он такой вот сильный. Мало ли, как может помешать...

Вы с Юлей Михальчик, как я полагаю, теперь понимаете друг друга. У вас не было мыслей как-то помогать ей в карьере?

Оттого что она пострадала от Шульгина? Она не пострадала, она на самом деле только выиграла. Если убрать профессиональную сторону вопроса, — она пострадала просто как женщина. Мы ей тоже задавали вопросы: ты как думала-то вообще? Она говорит: а я ничего о нем раньше не знала. Мне трудно в это поверить, потому что наш развод наделал много шума, и об этом говорили абсолютно все. Да, к сожалению, она ничего не слышала. Ну может такое быть, конечно, допускаю... А насчет помогать — я ну чем я ей конкретно могу помочь, я что — канал, телевидение, радио, медийный магнат?

Вы — певица с именем, а она — юная талантливая девочка...

Ну вот скажите — чем?

Может, Пригожин будет ее продюсировать?

Ну не знаю. В принципе Пригожин занимается третьей «Фабрикой», и как дальше жизнь развиваться будет, я не знаю.

То есть никаких особых взаимоотношений у вас и Юли Михальчик нет?

Особых взаимоотношений нет, но могу сказать, что она у меня вызывает больше симпатии. Я считаю, что она одна из самых ярких фабриканток.

Как вы решили вопрос исполнения старых песен?

А никакого вопроса тут нет, я могу исполнять все что угодно. Могу петь песни Лолы Маккартни, Элтона Джона, вообще любого автора, если в этом будет необходимость. Авторские отчисляются — и все. Другой вопрос, если я захочу выпускать эти пес-

ни, то должна буду спросить разрешения у авторского общества, в котором состоит автор. Не то что бы даже я, а рекорд-компания, которая будет выпускать альбом. А на концерте я могу сделать что угодно, там что претензий нет. Шульгин еще за это получает деньги, между прочим.

На концерте в Кремле вы пели вживую. Я всегда пою только вживую.

Пение вживую всегда отличается от студийной записи. Вы не думали, что, может, зрителю хочется пусть и под фанеру — но чтобы как на пластинке?

Пластинку и дома можно послушать. Зрителю нужны энергетика, эмоции, которые возможны только при живом исполнении.

Вы считаете, что «фанера» — это нечестно?

Абсолютно, я считаю, что «фанера» — это действительно нечестно. Я для себя это не приемлю, один концерт не похож на другой чувствами и настроением. Я просто не умею петь под «фанеру». Конечно, разовые мероприятия, где один артист сменяет другого, к сожалению, не позволяют петь вживую, но даже там я стараюсь это делать. Вот недавно в Америке я выступала в одном сборном концерте, там был суперзвук до тех пор, пока пели под фонограмму. А я попала в неприятную ситуацию, поскольку рискнула петь вживую. Когда я начала петь, вдруг все вокруг затрещало, стало фонить, это был какой-то кошмар. Мониторы не работали, я выжидала момент, пока их включили, а в них ничего не слышно. Это были какие-то слезы. Вот тут ничего не поделаешь. В таких случаях, наверное, лучше под фонограмму. Пение вживую — это моя принципиальная позиция, и музыканты поддерживают меня, и им работает в удовольствие, и зрители все чувствуют.

Все ваши прежние альбомы были разными. Отличается от всех остальных и последний альбом. А каким будет следующий?

Я знаю, какой будет, я знаю, какой!

Но ведь если его напишет Дробыш — разве он не будет таким же?

Ну неправда, нет, неправда. Я знаю, что я хочу. Я знаю, какой будет следующий альбом, но не хочу сейчас говорить, тогда будет неинтересно, если я сейчас все карты раскрою.

А когда это будет?

Мы весь следующий год будем записывать. Следующий год я не буду гастролировать активно.

То есть в 2005-м? Выйдет, я думаю, в 2006-м.

Такой перерыв... А какой перерыв? Небольшой перерыв. Что ж каждый год лепить, как пирожки...

В Европе будет что-нибудь делаться на английском языке?

Не знаю, мы серьезно не думали. Это отдельная большая тема, и, наверное, она требует особой проработки. Это вопрос больше к Пригожину. Я лишь могу сказать, что продолжение на Западе меня не слишком волнует. У нас пока вышел сингл на английском языке — «Была любовь». Что будет дальше — не знаю, мне и так сегодня интересно жить, у меня столько всего в этой жизни, мне есть чем заняться.

Вы слышали новую песню Земфиры со словами: эти серые лица не внушают доверия, теперь я знаю, для кого поет певица Валерия?

Нет, я не слышала, но мне все это цитируют. А она для кого поет?

В одном из интервью Земфира сказала, что это не о вас как о человеке, а о появлении...

Я могу сказать, что мои песни никогда не отличались дурным вкусом. Не отличались и сейчас. Вот всем покоя не дают «Часики» — но ее просто закритиковали. Кто ж виноват, не мы же виноваты в этой ситуации. Если песня обладает такой самораскручиваемостью — ну невозможно сдержаться это, невозможно. Что поделаешь? Сейчас, когда приходишь на какие-то концерты, тебя просят «Часики» петь. Вот сейчас на премии «Муз-ТВ» я говорю: давайте споем что-нибудь другое. Нет, надо «Часики», потому что именно эту песню хотят слышать зрители! Вот и поп-явление. Я считаю, у меня в репертуаре всегда было было достойно. Поэтому Земфира можно было бы для рифмы что-то другое подобрать. Но она талантливый человек, ничего не могу сказать.

На сцене вы всегда статичны. Почему вы не танцуете?

Я не статична, я просто не танцую, потому что это делают все остальные. Я с детства занималась танцами, я танцую в жизни, я вообще мечтала быть балериной и в этом направлении развивалась. У меня было две мечты параллельно: или певица, или балерина. Но считаю, что у меня есть свой сценический образ, изменять ему я не хочу. Как можно поставить в одной программе романсы и групповые подтанцовки?

Надеетесь ли вы стать лучшей певицей следующего года?

Я не думала об этом. Если получу премию — здорово. Если нет, то в этом тоже ничего плохого нет, потому как я планирую активно работать в следующем году. И это будет оправдано.

А после выхода следующего альбома? А посмотрим, что сделаем. Как можно сейчас говорить?

Среди музыкантов велик авторитет премии «Муз-ТВ»?

Не знаю, я ни с кем не общалась на эту тему, правда.

А для вас?

Так ничего другого нет.

Последний вопрос, который я задаю всем музыкантам с историей. На него надо отвечать быстро и не задумываясь. Вы помните, сколько всего у вас альбомов? (Смеется.) Нет, не помню. Я каждый раз считаю, когда меня начинают спрашивать...

газета

из тайги — в страну любви

Первый альбом Валерии, «The Taiga Symphony», вышел в 1992 году. Сложная англоязычная работа не нашла понимания у русской публики, и следующим шагом стал альбом романсов, с которого началась слава Валерии. Со своим первым продюсером Александром Шульгиным Валерия записала 10 альбомов, став одной из самых популярных певиц страны. После разрыва с Шульгиным Валерия

на полтора года ушла со сцены; вернуть певицу на эстраду смог только Иосиф Пригожин. Результат, достигнутый певицей за год, можно смело вписывать в летописи достижений русской поп-культуры: осенью вышел новый альбом «Страна любви», суперхит «Часики» заполнил эфир, в Кремле состоялся два аншлаговых концерта, а пресса без устали писала о романе Валерии и Пригожина.

Валерия, все помнят, как появилась певица, которую все ждали. А что было до этого? Когда вы еще были Аллой Перфиловой. До этого был Гнесинский институт — самое начало, для меня очень существенное. Наверное, на тот период времени это была такая своеобразная «Фабрика звезд». У меня было мало шансов туда поступить, потому что за плечами не было музыкального училища. По документам я окончила общеобразовательную школу и музыкальную школу в полном объеме, девять лет занимаясь по классу фортепиано. У меня родители музыканты, и они отдали меня в музыкальную школу очень рано, в пять лет. Училась с удовольствием и знала, что буду музыкантом и все равно придется поступать в какое-то музыкальное заведение, но не предполагала, в какое. А когда в Гнесинском институте открылся эстрадно-джазовый факультет, я решила: почему бы не рискнуть? Хотя мне необходимо было сдавать такие предметы, как гармония. Я этот курс гармонии проскочила, как могла, за месяц с педагогами Саратовской консерватории и пришла поступать. Это был восемнадцатый пятый год. Конкурс был совершенно сумасшедший, сто человек на место. Я была самая маленькая, сразу после школы, все остальные были после училища. Тогда вообще многие поступали, чтобы получить «корочку». Все эти люди уже имели опыт и работали —

кто-то в «Арсенале» у Козлова, кто-то в оркестре Лундстрема... Я была, по-моему, самой юной студенткой Гнесинского института. Когда мы ехали поступать, преподаватели Саратовской консерватории говорили: ты — авантюристка совершенно. Я окончила школу с золотой медалью и могла пойти учиться куда угодно, передо мной все пути были открыты, но тем не менее я выбрала самое сложное. И вот я приехала поступать, и после первого прослушивания ко мне подходит проректор, теперь он ректор, Михаил Николаевич Саймов и говорит: гармонии вы вообще никак не знаете? Отвечаю, что пробежала за месяц. Поговорили немножко, а на следующий день смотрим — у нас экзамена по гармонии вообще в списках нет. Отменили. Я считаю, что мне просто повезло, что была реальная стартовая площадка, и, конечно, я должна была попробовать свои силы. На тот момент времени я совершенно

не предполагала, что за кулисами почти любого конкурса происходит игра. И когда первое место дала какой-то абсолютно не поющей девочке из Эстонии, я не помню, как ее звали, то все стало понятно. Вторая премия была у латышки. Это был первый такой удар для меня. Удар и очень хороший урок — теперь я понимаю, что надо уметь проигрывать, а тогда казалось, что мир рухнул.

В каком году это было?

Это был первый мой конкурс в Юрмале, в восемнадцатом году. Я вам скажу, почему вся эта история не известна. Потому что, когда мы стали сотрудничать с моим первым продюсером, он решил родить меня заново. Он решил заставить всех забыть мое прошлое. Мы решили сразу, что я буду Валерией, и он запретил всем вообще упоминать, что я родилась под именем Алла и долгое время жила под этим именем.

А кто придумал имя Валерия? И чем не устраивало имя Алла — из-за ассоциаций с Пугачевой?

Нет, дело не в этом. Когда мы работали над альбомом, который должен был выйти в Европе («The Taiga Symphony»), 1992 год. — Газета, мы постоянно пересылали друг другу кассеты, демо-записи, какие-то промежуточные сведения. Они слышали имя Алла и записывали его, как слышали, — Allah. Мы поняли, что надо